

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
<https://vfn-journal.ru>
2025, Том 5, № 4 / 2025, Vol. 5, Iss. 4 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки)
УДК 821.161.1.09-31

¹Аюпов Т.Р., ²Давлятова Г.Н.

¹Кокандский государственный университет
²Ферганский государственный университет

Художественное своеобразие реальности в романе В.О. Пелевина «Чапаев и пустота»

Аннотация: в представленной статье исследуется художественное своеобразие реальности в романе В.О. Пелевина «Чапаев и Пустота», сочетающем постмодернистские стратегии «игры» и деконструкции с глубокой буддийской концепцией пустоты. Автор обращает внимание на мотивы двоемирия, параллельных миров и тему иллюзорности любых форм бытия. Анализируется роль персонажей, оказавшихся в «пограничной» ситуации между двумя эпохами (1919 и 1990-е годы), а также символический финал, связанный с абсолютной свободой («внутренней Монголией»). Делается вывод, что роман представляет одну из наиболее оригинальных моделей художественной реальности в современной русской прозе, объединив в себе черты постмодерна и дзен-буддийский взгляд на мир.

Ключевые слова: Пелевин, «Чапаев и Пустота», постмодернизм, дзен-буддизм, пустота, двоемирие, иллюзия, художественная реальность

Для цитирования: Аюпов Т.Р., Давлятова Г.Н. Художественное своеобразие реальности в романе В.О. Пелевина «Чапаев и пустота» // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 4. С. 5 – 9.

Поступила в редакцию: 20 марта 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 01 апреля 2025 г.; Принята к публикации: 18 апреля 2025 г.

¹Ayupov T.R., ²Davlyatova G.N.

¹Kokand State University
²Ferghana State University

Artistic originality of reality in V.O. Pelevin's novel «Chapaev and Void»

Abstract: the article examines the artistic distinctiveness of reality in Viktor Pelevin's novel *Chapaev and Void*, which merges postmodernist strategies of "play" and deconstruction with a profound Buddhist concept of emptiness. The author highlights the motifs of dual worlds, parallel realities, and the illusory nature of all forms of being. The analysis focuses on characters caught in a "liminal" state between two eras (1919 and the 1990s) as well as the symbolic ending that points to absolute freedom ("Inner Mongolia"). It is concluded that the novel offers one of the most original portrayals of artistic reality in contemporary Russian prose, blending postmodern elements with a Zen-Buddhist perspective on existence.

Keywords: Pelevin, Chapaev and Void, postmodernism, Zen Buddhism, emptiness, dual worlds, illusion, artistic reality

For citation: Ayupov T.R., Davlyatova G.N. Artistic originality of reality in V.O. Pelevin's novel «Chapaev and Void». Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (4). P. 5 – 9.

The article was submitted: March 20, 2025; Approved after reviewing: April 01, 2025; Accepted for publication: April 18, 2025.

Введение

Роман Виктора Олеговича Пелевина «Чапаев и Пустота» привлек к себе пристальное внимание читателей и исследователей благодаря оригинальному сплаву постмодернистской техники, отсылок к советской мифологии (легенда о Чапаеве) и буддийской философии. Он часто именуется «первым дзен-буддистским романом» в русской литературе, хотя его поэтика и проблематика выходят за привычные рамки одного философского или литературного направления [2, с. 29]. При ближайшем рассмотрении обнаруживается, что в центре повествования лежит парадоксальная модель реальности, по сути демонстрирующая двоемирие: герой существует сразу в двух «слоях» бытия (1919 год – период Гражданской войны и 1990-е годы – время психиатрической больницы) [1, с. 94]. Пелевин, с одной стороны, активно пользуется постмодернистскими приёмами фрагментарности и «игры» с культурными кодами, а с другой – выстраивает целую философскую концепцию пустоты, имеющую очевидные параллели с дзен-буддийской трактовкой мира [4, 6]. Настоящее исследование посвящено выявлению художественного своеобразия реальности в этом романе.

В конце XX века в русской литературе, как и в мировой, укрепилась постмодернистская традиция, ориентированная на иронию, интертекстуальность, деконструкцию классических мифологем, а также на идею относительности любой «объективной» реальности. Роман «Чапаев и Пустота» часто рассматривается именно в контексте постмодернизма. Во-первых, имя комдива Чапаева в русской культуре устойчиво ассоциируется с анекдотами, советским кино и романом Д. Фурманова, и Пелевин осознанно «играет» с этой коллекцией культурных клише, используя их как строительный материал нового текста. Во-вторых, роман пронизан идеей фрагментарности бытия – главный герой Пётр Пустота видит себя то в 1919 году, то в психиатрической больнице конца ХХ века, что указывает на разомкнутость, «расщеплённость» времени. Сами события поданы не последовательно, а в виде череды «сновидений» или «воспоминаний», и читатель вынужден постоянно сомневаться, какой из миров «настоящий».

Наряду с постмодернистской игрой здесь присутствует глубинная религиозно-философская основа. Ключевым понятием в романе становится пустота («шуньята» в буддийской терминологии) [3]. Пелевин трактует пустоту как первооснову мироздания и внутреннее ядро человеческого «я». В диалогах героя с Чапаевым (выступающим в роли своеобразного «гуру») неоднократно звучит мысль о том, что любая форма есть пустота и пустота есть любая форма: мир состоит из иллюзий, а любой предмет, существо или процесс обладают текучей, призрачной природой. Такой взгляд роднит роман с буддийским учением о «непостоянстве» (анитье) и иллюзорности мира (майе).

В русской классической традиции проблема двоемирия известна ещё со времён романтиков (сопоставление материального и духовного планов, реального и фантастического) [5]. Однако в пелевинской интерпретации двоемирие имеет постмодернистский и восточно-философский окрас. Автор намеренно смешивает не только эпохи (1919 vs. 1991), но и выделяет третий, «трансцендентный» план – Внутреннюю Монголию, своего рода символическое «место» абсолютной свободы и единения со всем сущим. В итоге получаем сложную иерархию: герои балансируют между видимой («исторической»), «современной» (психиатрическая больница) и высшей (пустота) реальностями, порой не различая границ между ними. В связи с этим становится ясным, что представленная статья сосредоточена на многоплановом анализе романа Виктора Пелевина «Чапаев и Пустота», который на протяжении нескольких десятилетий вызывает постоянный интерес у читателей, критиков и исследователей. Актуальность данного исследования обусловлена тем, что, во-первых, роман отражает переходный период русской литературы рубежа ХХ-XXI веков, когда постмодернистские приёмы «игры», иронии и деконструкции сосуществуют с глубинными философскими и религиозными поисками. В эпоху стремительных культурных изменений (конец ХХ – начало ХХI века) интерес к вопросам относительности реальности, множественности миров и духовных практик (в частности, буддийских концепций) существенно возрос. «Чапаев и Пустота», сочетающий постмодернистскую технику с буддийской трактовкой иллюзорности бытия, становится удобным материалом для исследования литературного процесса, культурных кодов и взаимодействия различных мировоззренческих систем. Наконец, роман, будучи «первым дзен-буддистским» произведением в русской прозе (по мнению ряда исследователей), даёт уникальный пример пересмотра советской мифологии о легендарном комдиве и «разоблачения» привычных культурных клише [7, 9].

Материалы и методы исследований

Основным материалом для анализа в статье служит сам роман Виктора Пелевина «Чапаев и Пустота», впервые опубликованный в 1996 году. Исследование строится на подробном рассмотрении ключевых эпизодов, раскрывающих особенности модели реальности, которую выстраивает автор: параллельное существование эпох (1919 год и 1990-е), мотивы двоемирия, введение буддийской философии пустоты, а также постмодернистские приёмы интертекстуальной «игры» и деконструкции исторических мифов. Дополни-

тельно к художественному тексту учитываются историко-литературный контекст, упоминания советской мифологии о Чапаеве, а также элементы философских учений (в частности, буддийские концепции иллюзорности формы). Таким образом, в центре внимания – сам текст «Чапаева и Пустоты» и его интерпретация в широком культурном, философском и литературном поле.

Результаты и обсуждения

Для иллюстрации рассмотрим несколько фрагментов романа, где концепция реальности раскрывается наиболее наглядно.

Пример смен эпох «1919 год» и «1991 год» в «нечётных» главах роман погружает читателя в атмосферу гражданской войны: Пётр Пустота действует бок о бок с Василием Ивановичем Чапаевым и Григорием Котовским, появляется даже Фурманов (здесь он – чекист, ведущий свою игру), а также присутствуют герои анекдотов (Петька и Анка-пулемётчица). Однако автор подчёркивает, что это лишь один из слоёв реальности. В «чётных» главах тот же герой предстает пациентом психиатрической клиники 1990-х годов, и читатель наблюдает, как врачи ставят ему диагноз «раздвоение ложной личности». Врач Тимур Тимурович колет ему препараты, усиливающие «видения». Сам Пётр «просыпается» то в одной эпохе, то в другой, задаваясь вопросом: «Не приснилось ли всё это?».

Ключевой пример можно найти в сцене, где герой, оказавшись уже в наше время (конец XX века), всматривается в московские улицы и замечает отсутствие привычных памятников: «Там, где раньше стоял бронзовый Пушкин, теперь зияет пустота, которая... странным образом кажется лучшим из всех возможных памятников» [8, с. 186]. Эта «пустота», возникшая в месте Пушкина, поразительно перекликается с буддийским мотивом отсутствия постоянных форм и одновременно иронически указывает на то, что у героя стираются координаты реального мира.

Другой пример – образ Чапаева как «гуру», здесь важнейшей фигурой, задающей герою путь, выступает Василий Иванович Чапаев. Его образ далёк от канонического: это не просто «красный командир», а мистический наставник, обладающий сверхзнанием. Он учит Петра Пустоту постигать природу бытия через короткие, почти коановские диалоги:

«– Любая форма – это пустота... Пустота – это любая форма.

– Но как увидеть пустоту? – спросил я.

– Увидь себя самого», – отвечает Чапаев» [8, с. 177].

Эти реплики напоминают типичную дзен-буддийскую форму передачи знаний, где Учитель (гуру) не даёт прямых ответов, но предлагает «взор внутрь» для осознания истины. Пётр постепенно «пробуждается» к новому видению, постигая, что и военные действия, и сам Гражданская война – всего лишь «сны», реальностью же оказывается нечто иное (или наоборот).

Следующий пример «Глиняный пулемёт» и буддийская легенда – смысловой центр романа обнажается в эпизодах упоминания «глиняного пулемёта» [10]. Персонажи (Котовский, барон Юнгерн, позднее – сам Чапаев) говорят об этом оружии как о высшей силе, которая «распыляет» любую реальность. Когда комдив «пускает в ход» глиняный пулемёт, исчезают пространство, время и все формы – наступает «ничто». В финале выясняется, что это и есть метафора абсолютной пустоты, за которой уже нет даже «нигде». Фактически Пелевин выводит читателя к идее, что бежать за пределы условного мира возможно только через осознание иллюзорности любых форм, будь то «советская мифология» или «постсоветская действительность».

Характерно, что одна из легенд, которую рассказывает Чапаев, повествует о Будде Анагаме, – вымыщенном будде, которого нет в канонических списках. Тем самым автор подчёркивает: мировые религии, мифы и даже сами будды становятся элементами одной большой иллюзии, где каждая «фигура» может быть деконструирована или выдумана заново.

Также можно рассмотреть пациентов психиатрической клиники как «групповой портрет» эпохи – другая линия романа – палата психиатрической больницы, где Пётр встречает «типичных» представителей 1990-х. Здесь и молодой человек, называющий себя «Марией» (он отождествляет себя с героиней латиноамериканского сериала и воображает себе «брака» с киногероем, олицетворяющим Голливуд), и Володин – «новый русский», ищущий мистического «небесного света», и Сердюк – ушедший в пьянство интеллигент. Кажется, что все они бегут от невыносимой «реальности» постсоветских лет, создавая иллюзорные миры у себя в сознании (кто – мир бразильских сериалов, кто – каббалистически-японские картины, а кто – видения «костра в преисподней»).

Тем самым Пелевин «ставит диагноз» целому поколению: индивидуальное сознание разрывается между социальным хаосом 90-х и попыткой найти убежище в иных реальностях. Фигура Петра Пустоты здесь выглядит наиболее последовательной: она непосредственно демонстрирует, что реальность «1990-х» точно так же условна, как и реальность «1919-го».

И в конце финал романа выход в Пустоту, где к концу романа Пётр осознаёт, что обе реальности – солнечные призраки, а подлинная точка опоры находится за их пределами. Появляется метафора реки (Урала), куда бросается Чапаев, и сияющего потока, в котором сливаются все грани бытия. Персонаж формулирует это как «слияние с радужным светом, где нет уже “я” и “не-я”». Весь роман завершает мотив «внутренней Монголии», означающей абсолютную свободу и одновременно пустоту, «куда стоит стремиться всю жизнь», но описать словами это состояние невозможно.

Таким образом, анализ текстовых эпизодов показывает, что Пелевин мастерски использует параллельные слои повествования и вводит персонажей, находящихся в «пограничной» ситуации. Через их реплики и поступки автор наглядно раскрывает идею иллюзорности любого «жёсткого» реального мира и возможность выхода в иную – метафизическую – область, названную «пустотой».

В конце можно выделить, что художественное своеобразие романа «Чапаев и Пустота» заключается в том, что Пелевин выстраивает многоплановую реальность, постоянно подвергая сомнению само понятие «реального» мира. С одной стороны, читатель видит постмодернистскую «игру» с историческим мифом о Чапаеве, со штампами советской культуры и реалиями «дикого» постсоветского времени. В тексте представлены многочисленные культурные аллюзии (Кант, Борхес, анекдоты о Чапаеве, отсылки к психиатрии, к Голливуду и мексиканским сериалам), вплетённые в сюжетную ткань так, чтобы деконструировать классическое понимание цельности мира.

С другой стороны, роман наполнен буддийской философией, обыгрывает идею сансары (круговороти рождений и смертей), а также явственно перекликается с понятием «шуньята» – пустоты, в которой, по буддийскому учению, нет ни форм, ни индивидуальных сущностей, а есть лишь общий единый поток. Главный герой Пётр Пустота выступает проводником, переходящим из одной временной плоскости в другую, пытаясь понять, не являются ли обе всего лишь сном. В диалогах с Комдивом-гуру (Чапаевым) он приходит к убеждению, что истинная реальность – это и есть пустота, выходящая за пределы любых умственных построений.

Именно это состояние пустоты в finale романа воспринимается как освобождение от иллюзий и страданий. Путь «внутренней Монголии» становится символом духовной свободы. Уникальность художественного мира «Чапаева и Пустоты» – в диалектическом сплетении постмодернистской игры (осмысливание исторических клише, многослойное цитирование, полифонические интертексты) и серьёзного духовного поиска (дзен-буддизм, солипсизм, религиозно-философские рассуждения героев). Реальность, выписанная у Пелевина, оказывается полем перманентной относительности: всякая твёрдая почва ускользает, а «правда» зависит исключительно от того, кто и как на неё смотрит.

Итогом становится парадокс: в романе нет ни одной «подлинно настоящей» реальности. Вместо неё существует принцип множественности миров и отражений, что хорошо согласуется с постмодернистской установкой на бесконечную интерпретацию, но при этом глубоко пронизано буддийской мыслью о непостоянстве, об иллюзорности «самосущего». Именно поэтому Пелевин наделяет главного героя фамилией «Пустота» и завершает книгу сценой исчезновения (выхода «за грань»), что можно трактовать как высшую форму «просвещения» – или, напротив, последнюю иллюзию человека, утратившего все связи с внешним миром.

Выводы

Подводя черту, отметим, что художественное своеобразие действительности в романе складывается из, во-первых, постмодернистской техники «игры» и деконструкции, во-вторых, сквозной темы «пустоты» как буддийского принципа относительности всех форм, и, в-третьих, мотивов двоемирья и параллельных миров, между которыми герои перемещаются без строгих границ. Всё это позволяет считать «Чапаева и Пустоту» одним из самых оригинальных произведений не только в творчестве Пелевина, но и во всей русской прозе рубежа XX-XXI веков.

Список источников

1. Архипова А.С. Деконструкция и ирония в постсоветском литературном дискурсе // Вопросы литературы. 2022. № 5. С. 89 – 103.
2. Гордеева И.А. Между сном и явью: концепт «двойной реальности» в прозе В. Пелевина // Литературная критика и теория. 2024. № 1. С. 25 – 38.
3. Дандарон Б.Д. Теория шуньи у мадхьямиков. URL: <http://abhidharma.ru> (дата обращения: 20.01.2025).
4. Зубарева И.В. Миф и постмодерн: трансформация советских героев в современной прозе // Филологические науки. 2021. № 4. С. 120 – 132.
5. Кант И. Сочинения в 8-ми т. Т. 4. М.: Чоро, 1994. 630 с.

6. Козлова Е.Ю. Буддийские мотивы в творчестве В.О. Пелевина: философия пустоты как поэтический метод // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. 2023. Т. 28. № 2. С. 56 – 65.
7. Михайлова Н.А. Стратегии художественной реальности в постмодернистском романе // Современная филология. 2020. № 3. С. 34 – 42.
8. Пелевин В.О. Чапаев и Пустота. М.: Т8 RUGRAM, 2018. 466 с.
9. Соловьёва Т.В. Миѳология постсоветского времени в романе «Чапаев и Пустота» // Вестник ТвГУ. Серия: Филология. 2023. № 2. С. 91 – 99.
10. Сэндзаки Н., Мак-Кэндлз Р.С. Буддизм и дзэн. Харьков: Ирби, 2018. 638 с.

References

1. Arkhipova A.S. Deconstruction and irony in post-Soviet literary discourse. Issues of Literature. 2022. No. 5. P. 89 – 103.
2. Gordeeva I.A. Between sleep and reality: the concept of “double reality” in the prose of V. Pelevin. Literary criticism and theory. 2024. No. 1. P. 25 – 38.
3. Dandaron B.D. The theory of shunya among Madhyamikas. URL: <http://abhidharma.ru> (date of access: 20.01.2025).
4. Zubareva I.V. Myth and postmodernism: transformation of Soviet heroes in modern prose. Philological sciences. 2021. No. 4. P. 120 – 132.
5. Kant I. Works in 8 vol. Vol. 4. Moscow: Choro, 1994. 630 p.
6. Kozlova E.Yu. Buddhist motifs in the works of V. O. Pelevin: the philosophy of emptiness as a poetic method. Bulletin of RUDN. Series: Literary criticism. 2023. Vol. 28. No. 2. P. 56 – 65.
7. Mikhailova N.A. Strategies of artistic reality in the postmodern novel. Modern philology. 2020. No. 3. P. 34 – 42.
8. Pelevin V.O. Chapaev and Void. Moscow: T8 RUGRAM, 2018. 466 p.
9. Solovieva T.V. Mythology of the post-Soviet era in the novel "Chapaev and Void". Bulletin of TVSU. Series: Philology. 2023. No. 2. P. 91 – 99.
10. Sendzaki N., McCandless R.S. Buddhism and Zen. Kharkov: Irbi, 2018. 638 p.

Информация об авторах

Аюпов Т.Р., доцент, Кокандский государственный университет, timurka2005@bk.ru

Давлятова Г.Н., кандидат педагогических наук, профессор, Ферганский государственный университет, gavlyatova@inbox.ru

© Аюпов Т.Р., Давлятова Г.Н., 2025